

В Диссертационный совет Д503.001.01 при Федеральном государственном научно-исследовательском учреждении «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»

по адресу: ул. Б. Черемушкинская, д. 34, г. Москва, 117218.

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по научной работе
Московского государственного института
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
(МГИМО МИД России)
доктор исторических наук (07.00.03 Всеобщая история), профессор
Е.М. Кожокин

« 9 » октября 2019 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» на диссертацию Шахназаровой Элен Ашотовны на тему: «Охрана средств индивидуализации, содержащих указание на географическое происхождение товаров, в международном частном праве», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Избранная Э.А.Шахназаровой тема диссертационного исследования представляет несомненную актуальность в свете развития нормативно-правового регулирования, охватывающего отношения по поводу использования средств индивидуализации. Прежде всего имеется в виду

совершенствование указанного блока регулирования в отечественном праве. Последнее не просто дало пример развернутого, детально разработанного комплекса норм об интеллектуальных (в первую очередь исключительных) правах, но прибегло к созданию цельной, опирающейся на концептуальное основание системы регулирования, закрепленной в кодифицированном акте – Части четвертой Гражданского кодекса РФ. Приспособление подобного регулирования к потребностям экономики и торгового оборота (и связанная с этим дальнейшая детализация режима существующих объектов и признание новых объектов в качестве охраняемых) не может происходить иначе как с учетом и пониманием объединяющей его системы. Путь внесения разрозненных изменений в действующее законодательство об исключительных правах, размывание системы регулирования неминуемо приведет к снижению его эффективности.

Нельзя при этом не учитывать, что уровень достигнутой международно-договорной унификации в сфере интеллектуальной собственности представляет собой еще один (наряду со стимулирующей ролью внутренней экономики и международного торгового оборота) важнейший фактор, подталкивающий к развитию институт средств индивидуализации через участие государств в международных договорах и принятие на себя в этой связи международных обязательств. Это обстоятельство легко объяснимо намерением каждого государства создать равноправный режим для своих субъектов в отношениях с иностранными субъектами, что было бы невозможно без распространения на своих субъектов действия международных соглашений.

В связи с вышесказанным сравнительно-правовое исследование и правовой анализ режима одного из значимых средств индивидуализации, фигурирующего в национальном праве и международных соглашениях под терминологически несовпадающими названиями и справедливо объединяемого автором для целей диссертационного исследования под нейтральным названием «средства индивидуализации, содержащие указание на географическое происхождение товаров», безусловно, вызывает профессиональный интерес и имеет неоспоримую научную и практическую значимость. Отметим особую потребность в исследовании тех из правоотношений с указанным объектом, которые осложнены иностранным элементом, - что как раз имеет место в данном случае.

Наконец, можно только приветствовать проведение в представленной диссертационной работе исследования подобного рода с позиций задач практического правоприменения.

Тем самым материал и результаты исследования будут полезны не только для последующих научных исследований проблем, относящихся к функционированию интеллектуальной собственности (в отечественной правовой терминологии - исключительных прав), для преподавания в высших учебных заведениях соответствующих дисциплин, но также для упрощения правоприменения.

Собственно, именно под таким углом зрения автор работы рассматривает объект исследования и анализирует нормативно-правовое регулирование данных отношений. Этот угол зрения - терминология («географические указания»; «наименования мест происхождения товаров»; «средства индивидуализации, содержащие указание на географическое происхождение товаров»; «географические обозначения») - выглядел бы излишне формально и мог бы быть воспринят не более чем лингвистический фактор, не заслуживающий самостоятельного *правового* исследования, если бы не следующее обстоятельство, заслуженно учитываемое автором работы. С терминологией, используемой в отношении объектов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, в праве связывается определенный режим, установленный применительно к каждому из таких объектов регулирования. Конкретно речь идет, в самом обобщенном виде, о следующем:

- о критериях охраноспособности, очерчивающих круг объектов, охраняемых каждым институтом интеллектуальной собственности (интеллектуальных прав);

- о наборе субъективных правомочий, предоставляемых правообладателю, о характере этих правомочий и, в некоторых случаях, об их взаимном влиянии и о соотношении их действия на практике;

- о способах защиты, доступных правообладателю в случае нарушения этих правомочий.

Направленность исследования на «терминологическую расчистку», на поиск четкой и однозначно понимаемой терминологии при регулировании отношений по поводу средств индивидуализации заслуживает одобрения именно потому, что тем самым, как совершенно справедливо полагает автор работы, будет достигнута цель создания предсказуемой, стабильной и простой в применении совокупности нормативных положений.

Не вызывает, таким образом, сомнения правильность постановки основной цели и определение основных задач исследования.

Одобрения заслуживает также скрупулёзность предпринятого исследования, особое внимание автора к юридической технике, используемой в отечественном и иностранном праве, а также в

многочисленных многосторонних международных соглашениях различного уровня – как универсального, так регионального.

Вместе с тем данное диссертационное исследование не свободно от некоторых недостатков, которые будут отмечены ниже в замечаниях к работе.

В ряде случаев автору работы предлагается ответить в ходе ее защиты на конкретные вопросы, сформулированные в тексте замечаний и выделенные жирным шрифтом. Как представляется, это дало бы автору возможность нагляднее продемонстрировать научную новизну результатов своего исследования.

1. В выводе 1 автор предлагает «на доктринальном уровне ввести...собираемый термин «географическое обозначение». Практический и научный смысл такого предложения неясен. Очевидно, что для использования *в доктрине* определенного термина не требуется прибегать к какой бы то ни было «заявительной процедуре»; принудить же всех исследователей использовать один и тот же термин не представляется достижимой задачей. О перспективах достижения единообразия в *нормативной* терминологии говорится лишь вскользь («...представляется возможным в будущем введение данного термина в национальное законодательство и в международно-правовые акты...» - с.17).

По смыслу требований п. 10 Положения о присуждении ученых степеней, утв. Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842, в качестве вывода, выносимого на защиту, должен выступать аналитический результат исследования - то есть научное обоснование предложения, но не оно само.

В связи с этим желательно получить разъяснение по следующему вопросу:

Как именно автор обосновывает необходимость использования обобщающего термина «географическое обозначение» и какие связывает с этим научно-практические последствия?

2. В тексте того же вывода (на с. 17) и вывода 5 (на с. 19) автор предлагает, соответственно:

внести в текст международных соглашений изменения терминологического свойства (о которых говорилось выше, в замечании 1)

и использовать в иностранном законодательстве определенного дифференцирующего подхода при определении сферы охраны наименований мест происхождения товаров и географических указаний.

Действие принципа “*pacta sunt servanda*”, отраженного в Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров, и принципа суверенитета государств как одного из основных начал международного права не дают ни малейшей возможности серьезно воспринимать подобные предложения. В данном случае уместно было бы высказать не более чем критические соображения при анализе содержания конкретных международных соглашений либо иностранных законодательных актов.

3. В ходе исследования поднимается вопрос о том, какую коллизионную привязку следует признать объективной (и тем самым желательной) при определении права, применимого к осложненным иностранным элементом отношениям по использованию географических указаний /обозначений / наименований мест происхождения товаров. Автор высказывается в пользу привязки к месту происхождения товаров, что отражено в выводе 6 (с. 20-21). Не затрагивая самого вывода и не оспаривая логики приведших к нему рассуждений (которые сами по себе не вызывают возражений и выглядят логичными и обоснованными), следует отметить недостаточную четкость и последовательность смысла, вкладываемого в работе в понятие «интеллектуального статута».

Приведенный термин, не устоявшийся ни в праве, ни в доктрине, не просто упоминается, а используется автором в ходе научных рассуждений с целью научных обобщений и выводов. По этой причине читатель вправе был бы ожидать от работы проявления достаточной определенности авторского понимания сферы такого статута (без чего снижается определенность и выводов).

Что именно относит автор к кругу вопросов, которые следовало бы разрешать на основе привязки к месту происхождения товаров? Относит ли автор к сфере действия «интеллектуального статута» решение вопроса об объеме предоставляемой охраны (т.е. о содержании субъективных правомочий правообладателя, их ограничениях и способах защиты) или полагает необходимым включить сюда также решение вопроса о самом факте признания конкретного средства индивидуализации охраноспособным?

4. С содержанием предыдущего замечания связаны и иные проявления в работе неопределенности. Однако в данном случае неопределенность касается не понимания доктринального термина, а содержания правовых норм, и представляет собой фактическую ошибку.

Так, в ходе рассуждений о релевантной коллизионной привязке (см. об этом в тексте предыдущего замечания) автор работы исследует возможность обратиться к коллизионным привязкам, разработанным в рамках иных институтов интеллектуальной собственности, в частности, в авторском праве. Ссылаясь на с. 235 на докторскую диссертацию О.В.Лутковой, автор пишет о *выборе* между законом государства, в котором испрашивается охрана (*lex loci protectionis*), и законом страны происхождения произведения (*lex originis*). При этом автор говорит о предложении самого исследователя, на работу которого ссылается, применять вторую из приведенных привязок для определения авторства.

С подобными утверждениями нельзя согласиться. Представительность состава участников Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений 1886 г. исключает неопределенность в национальных законодательствах по поводу коллизионного принципа для определения права, применимого к авторским отношениям. При этом никакой альтернативы в действии двух указанных видов коллизионных привязок Конвенция не предусматривает (и не дает никаких оснований для подобных предложений со стороны исследователей): они рассчитаны на совершенно разные ситуации, поскольку им соответствует разный объем.

В этой связи перед автором следовало бы поставить вопрос: **Что именно определяется по праву страны, в которой испрашивается охрана (*lex loci protectionis*), и что определяется по праву страны происхождения произведения (*lex originis*)? И в чем тогда состоит (и кому предоставляется) тот «выбор права», о котором говорится на с. 235, а также ранее на с. 226 и след.?**

5. В главе 3 работы (§ 3.2) отмечается неоднозначность понимания коллизионного принципа «*lex loci protectionis*» в праве различных стран. Такая неоднозначность действительно имеет место. Однако она состоит не в том смысле, который автором вкладывается в толкование (точнее, перевод) формулировки данного принципа в праве Швейцарии. Текст статьи 110 II швейцарского Федерального закона от 18 декабря 1987 г. о международном частном праве (вернее, цитата из кандидатской диссертации М.В.Суспицыной, без какой бы то ни было точной ссылки на статью Закона) приводится в работе в дословном (очевидно, выполненном электронным переводчиком) переводе. Указанный Закон, как сказано на с. 232 работы, якобы предусматривает применение к правам интеллектуальной

собственности «права того государства, в отношении которого испрашивается охрана» (курсив наш).

С таким пониманием нельзя согласиться. Оно, более того, представляется абсурдным. Достаточно задаться следующими вопросами: **Сколько часто государство будет выступать обладателем прав интеллектуальной собственности и предъявлять иск об их защите в суде? И может ли признаваемый эталонным швейцарский Закон об МЧП ограничить коллизионное регулирование отношений интеллектуальной собственности этими мизерными случаями, проигнорировав тем самым практически всю массу подобного рода отношений?**

Вызывает сожаление, что при написании работы были проигнорирован такой широко доступный авторитетный источник информации как сборник «Международное частное право. Иностранное законодательство» / Сост. и ред. А.Н.Жильцов, А.И.Муранов. – Статут: М., 2010, - в который включен высокопрофессионально выполненный Г.Е.Авиловым перевод указанного Закона. Этот перевод, в точном соответствии по смыслу приведенной статьи, говорит о праве страны, *в которой* испрашивается охрана.

6. Вызывает возражение сформулированное в выносимом на защиту выводе 3 предложение считать указание происхождения «дополнительным средством защиты прав участников производственно-торговых отношений, используемых преимущественно в сфере защиты конкуренции и защиты прав потребителей» (с. 18 – 19). Учитывая сложившееся в классическом праве понимание средства правовой защиты, можно предложить автору ответить на вопрос:

Какое конкретное содержание вкладывается самим автором в понятие «средства защиты прав» и как оно соотносится с классическим понятием «средство правовой защиты»?

7. Последнее замечание к работе носит редакционный характер и касается использованного в ней научного аппарата. При оформлении списка нормативных и доктринальных источников были допущены погрешности.

Так, в п. 1.1 списка (с. 250) некорректно указан источник в отношении Парижской конвенции 1883 г., а применительно к Бернской конвенции 1886 г. об охране литературных и художественных произведений допущена неточность (перестановка слов) в самом ее названии.

На с. 256 в п.1.3.2 в отношении французских нормативных актов в одном случае дана ссылка на сам акт (кодекс), а в другом – на закон, вводящий в действие иной кодекс.

Курьезным представляется указание (на с. 261, в разделе научной литературы) в качестве фамилии автора учебника «Гражданское и торговое право капиталистических государств», женской фамилии Е.В.Васильевой (тогда как написан указанный учебник коллективом авторов под редакцией проф. Е.А.Васильева).

Отмеченные выше недостатки (как по содержанию, так и по форме) представленной на отзыв диссертации Э.А.Шахназаровой привлекли к себе тем большее внимание, что они проявились на фоне позитивного впечатления от содержания этой работы. Как представляется, высказанные к работе замечания не должны затушевывать общей ее положительной оценки как самостоятельно выполненного научного исследования актуальной проблемы. Проведенное автором работы исследование на данную тему свидетельствует о новизне диссертационного исследования в отечественной юридической литературе.

Содержание диссертации соответствует специальности 12.00.03 (гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право). Основные положения работы отражены в автореферате и публикациях соискателя.

Представленная на отзыв работа Э.А.Шахназаровой в целом отвечает требованиям «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а автор исследования заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 (гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право).

Отзыв ведущей организации подготовлен сотрудниками кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н.Лебедева Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» кандидатом юридических наук, профессором

Кабатовой Еленой Витальевной и кандидатом юридических наук, доцентом Каминской Еленой Ивановной.

Обсуждён и утверждён на заседании кафедры международного частного и гражданского права имени С.Н. Лебедева (протокол № 3 «3» октября 2019 г.)

Заведующий кафедрой международного частного и гражданского права имени С.Н. Лебедева Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», к.ю.н., профессор

Костин Алексей Александрович

Контактная информация:

119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76
8 (495) 229-38-24
privintl@yandex.ru

ПОДПИСЬ

Специалист по кадрам

1 категории

« 11 »

20 19 г.

